

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом томе впервые публикуется один из наиболее значительных эпистолярных циклов А. А. Блока — 317 его писем к невесте, а затем жене — Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок (53 из них были напечатаны ранее).

Письма к жене — исключительно ценная часть эпистолярного наследия поэта, которое в общей сложности составляет более 2 500 писем.

Любовь Дмитриевна, так же как и мать Блока, была наиболее близким, душевным его корреспондентом. На протяжении шестнадцати лет (с 1901 по 1917 г.)верял он ей, «единственной на свете», свои чувства и мысли, творческие замыслы, свое трагическое восприятие «страшного мира» и одновременно — напряженное ожидание «неслыханных перемен», «невиданных мятежей», очистительной бури грядущей революции.

Письма Блока к жене — духовная исповедь поэта. Будучи глубоко личными, они вместе с тем почти не касаются интимных подробностей или мелких семейных дел. Они написаны на ином, более высоком уровне: «Ведь я Тебе совсем не пишу о делах». Думаешь ли Ты, что этого не нужно? Я думаю, что да. <...> Наше время не такое, чтоб очень заботиться о мелочах» (11 июня 1903 г.). Эпоха, современная Блоку, отражается не только в его лирике, драматургии, публицистике, но также и в его переписке.

Письма к жене охватывают более чем полтора десятилетия — период, соответствующий почти всему дооктябрьскому творчеству Блока, и в них по-своему зафиксирован путь его идейных и художественных исканий, говоря словами самого поэта, — «путь среди революций; *верный путь*» (VII, 355).

Письма дают обширный уникальный материал для изучения того, как реальные события, факты жизни Блока, его идеи и настроения затем творчески преобразуются в явления высокой поэзии, приобретают свою многозначность.

В письмах 1902—1903 гг., родственных по стилю «Стихам о Прекрасной Даме», отразился этический и эстетический идеал поэта. Известно более позднее намерение Блока ввести в отдельное издание «Стихов о Прекрасной Даме» отрывки из писем к Л. Д. Менделеевой. В свое время Блок нередко посылал возлюбленной в очередном письме только что созданное стихотворение. Между письмами и стихами этих лет существовала глубокая внутренняя связь, в настоящем издании она наглядно предстает перед читателями, а особенно — перед историками литературы. Публикуемые письма — важный документальный источник для исследования творческой биографии Блока и комментирования его ранней лирики.

Символ Прекрасной Дамы в стихах и эпистолярной прозе Блока наделен сходными чертами, он овеян мечтой о торжестве света и гармонии человеческих отношений, открыто противопоставляемой декадентскому мраку. Характер самой Л. Д. Менделеевой, «земной, русской девушки», как писал о ней Блок, немало способствовал этой настроенности поэта. В письме 25 декабря 1902 г. Блок настойчиво утверждает: «Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов». Но чтобы выйти из декадентства, затягивавшего «бесформенностью и беспринципностью», нужно было, — пишет поэт, — «встретить то пленительное, сладостное и великое, что заключено в Тебе» (стр. 92). И далее: «Мне надо песен, когда около нет Тебя, воплощенной песни моего духа» (там же). «Воплощенной песней духа» были и стихи Блока, посвященные Л. Д. Менделеевой, и письма его к ней.

Судьба народной России волнует Блока с юности. С мечтой народа о счастье, с воспринятыми пока лишь в мистическом духе народными легендами связан образ любимой в ранних письмах поэта: «...И мне часто приходило это в голову в связи с легендами, поющими о Тебе (хотя бы посредством моих же стихов и дум), как о Царице Народной, /се познавшей внутренно, молчаливой и неверчивой к тому, что происходит здесь, что какой-то человек из народа (это был я) почувал один и стал мечтать и надеяться на Невозможное Счастье» (21 ноября 1902 г.). Здесь — истоки характерного для поэзии Блока органического слияния темы Родины и невесты — жены, темы общего трагически-трудного, но неразделимого пути.

Не следует понимать прямолинейно сложные связи между исповедальной личной темой писем и судьбами лирических героев Блока. Душевная жизнь Блока, отраженная в письмах и получившая в них своеобразное философское истолкование, представляет лишь одну из граней той действительности, которая явилась почвой для создания мира его поэзии. Так, например, трепетное ожидание встречи с любимой, постоянно выражаемое в письмах, Блок-поэт раскрывает как акт громадного общечеловеческого значения, ибо идеал Прекрасной Дамы открыто противопоставлен трагическому миру: «Растут незнатно розовые тени, /Высок и внятен колокольный зов, /Ложится мгла на старые ступени... / Я озарен — я жду твоих шагов».

Тревога поэта, его сомнения, удастся ли так скоро избавиться от мрака в окружающей действительности и в его собственной душе, устоит ли идеал при столкновении с жизнью, — все эти «роковые вопросы» созвучны самым интимным переживаниям Блока. Но как трансформировались они в гениальном стихотворении 1901 г. «Предчувствую Тебя!» Личное здесь неотделимо от того сложного образа катастрофического мира, который ждет обновления и голосом которого говорит поэт: «Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо, /И молча жду, — *тоскуя и любя* (...) О, как паду — и горестно и низко, /Не одолев смертельные мечты! / Как ясен горизонт! И лучезарность близко. / Но страшно мне: изменишь облик Ты».

Позднее, когда судьба любви Блока сложилась драматически, поэт не раз упоминает в письмах о романтическом идеале ранней юности, который и теперь влечет его, укрепляя ненависть к «страшному миру» и мечту «случайного путника» обрести общую с народом судьбу. (См., например, письмо 27 февраля 1908 г.) В стихотворениях Блока эти характерные мотивы получают новый смысл, включаясь в многоплановую художественную структуру. Образ героини юношеских стихов служит для лирического героя «Страшного мира» некоей путеводной звездой на его тернистом пути: «И вот — в непроглядном тумане / Возник позабытый напев. / И стала мне молодость сниться, / И ты, как живая, и ты... / И стал я мечтой уноситься / От ветра, дождя, темноты» («Двойник»).

Семейная драма, привычка жить в разлуке не разрушили духовной связи между Блоком и его женой. Письма 1907—1917 гг. свидетельствуют о том, что поэт по-прежнему поверяет Любови Дмитриевне самые сокровенные чувства и настроения, пишет о своем все возрастающем понимании обреченности современного уклада жизни, о неизбежности социально-политического переворота в стране, о роли народа и интеллигенции в судьбах России, о необходимости нового направления в литературе и искусстве.

Особое место занимает здесь тема современного театра, привлекавшая исключительное внимание Блока и живой интерес Любови Дмитриевны как актрисы.

Сообщая о своей работе над драмой «Песня Судьбы», о надеждах на ее постановку в Художественном театре и о других своих замыслах, Блок пишет жене, находящейся в гастрольной поездке: «Ты расскажешь мне все о себе и о театре. Нам необходимо жить вместе и говорить много, помогать друг другу» (наст. том, стр. 246). В письмах 1907—1908 гг. Блок подробно делится с женой мыслями, которые затем легли в основу его концепции, изложенной в статьях «О драме» и «О театре». Поскольку театр по природе своей — народное, массовое зрелище, Блок придавал ему первостепенное значение в своем вдохновенном плане демократизации искусства. 23 февраля 1908 г. он писал Любови Дмитриевне: «Интеллигентный театр приходит к концу. Та интеллигенция, для которой играет теперь вы и остальные, — одинаково не может быть показателем реальности театрального дела (...) Только народ покажет истинную ценность

той драматургии, о которой умирающая интеллигенция может судить только случайно и необоснованно (...) Народ способен воспринимать и ценить именно тот пафос высокой драмы и трагедии (например, «Гроза») и высокой комедии (например, «Женитьба»), который более не воодушевляет современную театральную публику, но о котором мечтают передовые люди эпохи» (наст. том, стр. 219). Обосновывая и развивая эти идеи в статье «О театре», Блок утверждает, что современное театральное искусство находится в состоянии кризиса, чревато коренными переменами: «Самое сердце театра дрожит, как перед подвигом (...) Рабочие и крестьяне действительно нуждаются в театре и, при всей случайности постановки этого дела у нас, доказали, что они требуют от театра не только развлечения, а чего-то более высокого, я полагаю — высокого искусства, как это явствует, например, из эффекта постановки «Грозы» Островского или «Женитьбы» Гоголя» (V, 272—273). В письмах 1913—1914 гг. Блок последовательно отстаивает искусство психологического театра, преимущественно — театра Станиславского, и решительно критикует в режиссерских работах Мейерхольда установку на подчеркнутую условность изображения, яркую, но самодовлеющую театральность. Все эти высказывания заметно углубляют представление об отношении Блока к модернизму и о противоречиях самого модернизма в русском искусстве предоктябрьского десятилетия.

В зрелом периоде творчества эпистолярный стиль Блока решительно изменяется. от мистических экзальтаций его юношеских посланий не остается и следа. Глубокий лиризм сочетается с мудрой, мужественной трезвостью, защита гражданских идеалов — с горькой и гневной иронией по поводу тех, кто не слышит музыки революции. Многие строки писем поэта к жене звучат публицистически.

Более чем за полгода до известной статьи «Интеллигенция и революция», где поэт обличал ту часть русской интеллигенции, которая не понимала и боялась революции в стране, «опоясанной бурей» (V, 9), до знаменитого его ответа на вопрос: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — «Может и обязана» (V, 8), Блок писал Любови Дмитриевне 21 июня 1917 г.: «Наша Демократия в эту минуту действительно «опоясана бурей» и обладает непреклонной волей, что можно видеть и в крупном и в мелком каждый день. Я был на Съезде Советов Солдатских и Рабочих Депутатов и вообще вижу много будущего (...) Если «мозг страны» будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестоко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь. Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа? А могли бы своим ответом, купленным кровью детей, поделиться с этими детьми» (наст. том, стр. 376—377).

Весной 1917 г. Блок ждет возвращения Любови Дмитриевны: «Все насыщено электричеством, и сам насыщен, и надо иногда, чтобы был рядом такой, которому веришь и которого любишь. Все это я о себе (по обыкновению, но мне суждено постоянно исходить из себя, это — натура и входит в мой план), но я все жду, чтобы совпало: и жду этого я, никогда не ошибавшийся». В канун великих революционных событий личные судьбы Блока и его жены соединяются навсегда.

Всю документальную основу настоящего тома составляют материалы архива Блока, приобретенные И. С. Зильберштейном для Государственного литературного музея в 1939 г.: автографы писем Блока и ответные письма Любови Дмитриевны, воспоминания Л. Д. Менделеевой-Блок, рисунки поэта и др. Подробнее об этом рассказано в сообщении И. С. Зильберштейна, напечатанном в данном томе.

Историко-литературное значение переписки Блока с Л. Д. Менделеевой-Блок рассматривается во вступительной статье (заглавие подсказано известной статьей Блока «Ни сны, ни явь»). В комментариях приводятся фрагменты ответных писем Л. Д. Блок и отрывки из ее воспоминаний «И был, и небылицы о Блоке и о себе».

Л. Д. Блок начала писать воспоминания в 1937—1938 гг. и работала над ними исподволь, понемногу. Скоропостижная смерть застала ее в самом начале работы.

Приступая к воспоминаниям, Любовь Дмитриевна заявляет о своем стремлении быть до конца правдивой, искренней: «Если чему я и выучилась у Блока, то это бес-

поощадности в правде. Эту беспощадность в правде я считаю, как он, лучшим даром...» Систематическое изложение событий Л. Д. Блок довела только до 7 ноября 1902 г. (день ее решительного объяснения с Блоком). Все дальнейшее — это отдельные разрозненные наброски, касающиеся разных периодов ее совместной жизни с Блоком. Среди этих набросков есть и написанные гораздо раньше — в 1929 и даже в сентябре 1921 г., сразу же после кончины Блока. По сути дела, все эти заметки и наброски — лишь «материалы для воспоминаний». Наиболее значительные из них, непосредственно связанные с темой тома, публикуются после комментариев к соответствующим письмам.

Письма Блока подготовлены Л. М. Розенблум; она же принимала участие в составлении комментариев. На первоначальной стадии в подготовке текстов участвовал В. Н. Орлов. Для окончательной доработки публикации редакция привлекла К. Н. Суворову, которой приносит глубокую благодарность. Редакция с признательностью вспоминает недавно скончавшегося Н. П. Ильина, проявлявшего большое внимание к работе над этим томом и сделавшего ряд ценных уточнений.

Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблум.